

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

СОВЕСЕДНИК

Марко Никодиевич: Композитор — это ускользающая субстанция

Один из главных композиторов Дягилевского фестиваля — о национальной идентичности, любви к техно и творческом взаимодействии с Теодором Курентзисом

РИНАТА ХАЙДАРОВА

На каждом Дягилевском фестивале есть несколько композиторов, творчество которых оказывается в центре программы. В этом году таких было несколько: советский авангардист Эдисон Денисов, 90-летию которого был посвящён мемориальный концерт, современный австрийский автор, живущий в США, Георг Фридрих Хаас, музыка которого звучала на трёх концертах, в том числе одном монографическом, и, разумеется, Марко Никодиевич, который с прошлого года «рифмуется» с Дягилевским фестивалем примерно как завод им. Шпагина.

Марко Никодиевич на протяжении последних трёх лет преподносит пермским слушателям сюрприз за сюрпризом. От Gesualdo dub, исполненного на одном из концертов в 2017 году, до энергичного GNB/tanzaggregat здесь же, на заводе им. Шпагина, год назад, и до пронзительного «Cvetić, kućica...» («Цветочек, домик...») на новогоднем концерте в декабре 2018 года — Никодиевич каждый раз новый. Вот и сейчас в цехе №5 прозвучала, наверное, лучшая музыка, какая могла быть исполнена по случаю закрытия фестиваля, да ещё в заводском цехе.

В преддверии этого события состоялась творческая встреча с композитором в Фестивальном клубе. Никодиевич ответил на вопросы музыкального критика Алексея Мунипова и гостей в зале.

— **Вашу музыку неплохо знают и пермские слушатели, и московские, потому что Теодор Иоаннович любит использовать её в своих программах, в частности, в прошлом году был сыгран GNB/tanzaggregat. По этому произведению понятно, что написавший его композитор слушает техно. Действительно ли это так и как техно влияет на вашу музыку?**

— Примерно в возрасте 25 лет у меня был кризис, и для меня было важно найти что-то новое. Тогда я понял, что техно — это музыкальное откровение, а не то, с чем часто ассоциируется этот жанр: секс, наркотики, ночная жизнь... Традиционный концерт имеет начало и конец. В музыке техно такого уже нет.

Музыка техно помогла мне видеть не глазами, а ушами. Со временем пришло умение видеть в звуках пейзаж, даже цвет воды. Мой слух стал более натренирован.

— **В академической музыке есть традиция академического минимализма, в котором есть многое, что присуще техно, — повторяемость, сменяемость паттернов...**

— Меня привлекает идея, что в жизни всё движется по кругу. Это пришло из вавилонской культуры: все дни недели, все молитвы повторяются. Многие вещи в современной жизни движутся по кругу, например колёса машины или поезда. Это факт жизни.

— **Вы родились в Сербии, а потом переехали в Германию и сейчас живёте в Штутгарте. Важна ли для вас национальная идентичность? Чувствуете ли вы себя сербским композитором? И что вообще национальная принадлежность значит для современного композитора?**

— Переезд из Сербии был связан не с бедностью страны, не с политической обстановкой, а с тем, что моя история начинала повторяться каждые пять лет. Я хотел провести большую часть жизни, создавая музыку, а не бороться с обстоятельствами жизни. Я переехал в Германию, потому что хотел учиться у человека по имени Маркус Стропа. В Сербии я получил качественное классическое образование, но жил в довольно скучной среде, где идеи были слишком академическими. В Германии я встретил много интересных людей, которые хотели играть мою музыку.

— **Немало русских композиторов, например Сергей Невский, Борис Филановский, тоже переехали в Германию. Они говорят, что когда ты переезжаешь, то всегда острее чувствуешь свои корни.**

— Я смог по-настоящему вслушаться в сербский фольклор, только уехав. Когда я жил в Сербии, идея использовать что-то фольклорное была для меня абсолютно невозможной. Она ассоциировалась с академизмом — консерваторской практикой, а также с плохим вкусом, провинциальностью. Я никак не мог представить себе, что смогу использовать фольклор в своей музыке. Уехав подальше, я смог оценить социальную ценность народной музыки, её метафизику.

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

— **Помните ли вы момент, когда осознали, что будете композитором?**

— Главную роль в момент выбора профессии сыграл мой учитель. Я очень хотел заниматься физикой или музыкой. На самом деле хотел сбежать из маленького городка, в котором жил. Преподаватель музыки с раннего возраста воспринял меня серьёзно. Он был требовательным. Одобрение я услышал только после четырёх лет работы.

— **Каждый композитор в какой-то момент начинает чувствовать свою зону — то, что у него хорошо получается. У всех композиторов разные зоны. Не могли бы вы описать свою?**

— Меня привлекает аутентичность: тибетское, монгольское горловое пение, африканские барабаны. Я думаю о музыке как о работе, которую я хочу хорошо выполнить.

Я не умею рассуждать о собственной музыке и с большой завистью смотрю на композиторов, которые уверенно говорят о себе и своей музыке. Для меня композитор — ускользающая субстанция. Если я думаю о своей музыке, то всегда с точки зрения «не дотянул», «тут нужна другая нота».

— **Расскажите, как вы познакомились с Теодором Курентзисом и начали с ним работать. Интерпретирует ли он вашу музыку иначе, чем вы её себе представляете?**

— История знакомства с Теодором началась, когда я получил по электронной

почте письмо из Пермского театра оперы и балета с предложением написать балет. Я решил, что это дурацкая шутка моих друзей, потому что мы любим подшучивать друг над другом (однажды я написал своему другу письмо от имени мэра Лондона). Я похихикал и не ответил. С чего вдруг Курентзис знает про меня? После этого из Перми позвонили и спросили, почему я не отвечаю на сообщение. Тогда я понял, что предложение написать балет действительно настоящее!

Все говорят, что Теодор — экстравагантный дирижёр и человек. Но если посмотреть в ноты и сравнить с исполнением, то окажется, что это ничуть не экстравагантная, а максимально точная интерпретация того, что написано в нотах. Это слышно во всей музыке, с которой он работает. В Теодоре есть редкая артикулированная чёткость. Он очень точно слышит и расчищает музыкальные слои, а это сейчас редкость, потому что многие любят дирижировать красиво, но неестественная красота и правда — это не одно и то же.

Сейчас все дирижируют оркестрами, и в результате Лондонский симфонический от Чикагского не отличить — у них одинаковая красота. В случае с MusicAeterna такого не происходит, потому что здесь есть сильное персональное присутствие дирижера. Помимо этого, есть восхитительные музыканты. Всё вместе это даёт очень редкий результат.